

В юридической литературе приводятся и иные определения понятия частнопредпринимательской деятельности. Видимо, каждое из имеющихся определений понятия этого преступления, как и предложенное автором настоящей работы, не лишено определенных недостатков, но важно и то, что все они, бесспорно, оказывают помощь в выяснении сущности уголовного закона, установлению основных, наиболее существенных признаков частнопредпринимательской деятельности.

Список литературы

1. Ефимов М., Фролов Е., Шведова З. Ответственность за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество.— «Сов. юстиция», 1961, № 9, с. 1—9.
2. Иванов Л. И. Уголовная ответственность за частнопредпринимательскую деятельность по советскому уголовному праву.— Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Харьков, 1975. 17 с.
3. Коллектив авторов. Уголовная ответственность за хищение государственного или общественного имущества, хозяйственные преступления и взяточничество. М., Изд-во Высшей школы МВД СССР, 1967. 207 с.
4. Леонтьев Б. М. Ответственность за хозяйственные преступления. М., «Юрид. лит.», 1963. 190 с.
5. Лысков К. И. Ответственность по советскому уголовному праву за частнопредпринимательскую деятельность с использованием государственных и общественных форм. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1967. 20 с.
6. Лысов М. Д. Ответственность за частнопредпринимательскую деятельность по советскому уголовному праву. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Казань, 1966. 21 с.
7. Ляпунов Ю. И. Хозяйственные преступления. М., Изд-во Высшей школы МВД РСФСР, 1964. 50 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., «Сов. энциклопедия», 1968. 900 с.
9. Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР по уголовным делам. М., «Юрид. лит.», 1973. 268 с.
10. Словарь синонимов русского языка. «Наука», Ленинградское отделение, 1971, ч. II. 857 с.
11. Судебная практика Верховного Суда СССР. М., 1948. Вып. 6, с. 1—3.
12. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1976, № 4, с. 1—15.
13. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1966, № 7, с. 10—11.

А. Ф. Зелинский, канд. юрид. наук

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЦИДИВИСТОВ

Проблема типологии личности преступников является одной из наиболее актуальных. Она непосредственно связана с задачами прогнозирования индивидуального поведения и предотвращения рецидива: «если бы мы четко знали, какому типу личности свойственно принятие какого именно решения., то мы могли бы более точно прогнозировать индивидуальное поведение» [3, с. 265—266].

В работах по исправительно-трудовому и уголовному праву

преобладает классификация¹, построенная по характеру совершаемых преступлений. Того же критерия придерживаются и отдельные криминологи. Но в большинстве исследований криминологического характера разрабатывается классификация преступников по признакам глубины, стойкости и напряженности антиобщественных взглядов и установок. А. Б. Сахаров, например, различает преступников привычных, профессиональных, случайных, а также совершивших опасные деяния по легкомыслию, вспыльчивости, слабоволию, под влиянием страха, обиды и т. п. [см.: 9, с. 165—167]. Такая группировка является традиционной, ее основы были заложены криминологами старой социологической школы. Дальнейшую ее модификацию мы находим также в работах В. П. Филимонова, посвященных личности правонарушителей. Он делит преступников на впервые совершивших преступление и повторно нарушивших уголовный закон. Первые бывают случайными. Вторые состоят из несудимых ранее и рецидивистов. Те и другие разделяются еще по признаку тяжести совершенных преступлений [см.: 11, с. 12—17]. Авторы коллективной монографии о личности преступника классифицируют правонарушителей по двум признакам: характеру антисоциальной направленности и ее глубине, стойкости, злостности [см.: 6, с. 50—57]. Исходя из «степени криминальной зараженности правонарушителя», психолог А. Г. Ковалев различает: 1) глобальный преступный тип; 2) парциальный, т. е. с частичной криминальной зараженностью; 3) предкриминальный тип преступника [см.: 2, с. 46—52].

Нельзя не отметить, что указанные классификационные системы рассматривают рецидивистов как однородную группу злостных преступников. Между тем выборочное изучение повторно осужденных приводит к выводу о том, что они существенно различаются между собой по ряду социально-психологических характеристик и поэтому нуждаются в собственной криминалистической классификации. Существенным недостатком упомянутых попыток типологии личности преступников является, на наш взгляд, игнорирование иных, кроме сознания, психологических свойств человека — темперамента, интеллектуальных, волевых, эмоциональных и других его качеств. Преступление не раскрывает все многообразие личности и не может однозначно аттестовать индивида. Одно и то же по юридическим признакам деяние нередко порождается различными свойствами. Кража, например, в одном случае обнаруживает корыстную, хищническую направленность, а в другом — слабоволие и внушаемость. Поэтому классификация преступников должна основываться не только на направленности совершаемых ими деяний,

¹ В этой статье слова «типология» и «классификация» из стилистических соображений используются как синонимы, хотя, строго говоря, типология отличается более высоким по сравнению с классификацией уровнем абстракции.

но и на характерологическом сочетании тех свойств, которые проявляются в преступном поведении. Другими словами, криминологическая классификация должна исходить из психологической типологии личности.

В этой связи привлекает к себе внимание типология, предложенная в свое время известным психологом А. Ф. Лазурским [см.: 5, с. 85—193, 307]. Он различал несколько человеческих типов, каждый из которых характеризуется тремя уровнями психической активности. Сущность психологической активности «заключается... в тенденции личности к самовыражению, эффективному освоению и преобразованию внешней действительности... Степени активности распределяются от вялости, инертности и пассивного созерцательства на одном полюсе до высших степеней энергии, мощной стремительности и постоянного подъема — на другом» [7, с. 178]. В последние годы научное наследие А. Ф. Лазурского все чаще привлекает к себе внимание исследователей. Для криминологов, изучающих рецидивную преступность, особый интерес представляет описанный этим автором так называемый «извращенный тип». В условиях социалистического общества многократные конфликты с уголовным законом свидетельствуют об устойчивых дефектах личности, ее извращенности. Поэтому преступники-рецидивисты относятся к той категории людей, которую А. Ф. Лазурский назвал извращенным типом. Принимая во внимание наиболее существенные черты характера («психологическое содержание личности», по выражению А. Ф. Лазурского), различаем четыре извращенных подтипа: $\surd$ рассудочные, слабовольные, импульсивные и эмоциональные. Они отличаются двумя уровнями активности — низшим и средним. Представители высшего уровня в понимании А. Ф. Лазурского среди современных рецидивистов практически не встречаются. Среди изученных лиц нам не довелось встретить людей, которых можно было бы отнести к извращенному типу высшего уровня психической активности. Рассудочных низшего уровня А. Ф. Лазурский называет «расчетливыми эгоистами». Мы считаем целесообразным, несмотря на известную неточность и устарелость терминологии, возникшей в первые десятилетия XX в., сохранить ее для обозначения соответствующих категорий упорных правонарушителей. На среднем уровне располагаются «лицемеры». Слабовольные низшего уровня психической активности называются «апатичными», среднего — «неприспособленными». Импульсивные состоят из «беспорядочных импульсивных» (низший уровень) и «аффективных» (средний уровень). Эмоциональные низшего уровня определяются «сосредоточенно жесткими», а среднего — «энергичными озлобленными». Разумеется, эти названия в значительной мере являются условными и применяются для определения некоторой совокупности черт характера, которые обнаруживаются в преступной деятельности рециди-

вистов. Таким образом, предлагаемая классификация состоит из восьми групп, расположенных на двух уровнях.

Расчетливые эгоисты отличаются низкой духовной культурой и узостью кругозора. Интересы их обращены главным образом на удовлетворение примитивных личных потребностей. Мелочно корыстолюбивы, но в крупных хищениях участие принимают редко в силу недостаточной активности. В генезисе рецидивных преступлений решающая роль принадлежит корыстно-потребительской направленности личности. Повторяют обычно кражи на производстве, похищения плохо охраняемого имущества, мошенничество, различного рода поборы, в частности, взятки, преступные «промыслы» (спекуляция, браконьерство, самогоноварение и пр.), а также уклонение от уплаты алиментов. При случае могут решиться и на насильственные посягательства ради ближайшей выгоды в обстановке, обеспечивающей уклонение от ответственности. Действуют, как правило, без соучастников. Для них характерны безыдейность и слепая зависимость от внешних условий жизни. С. В. Познышев писал о таких людях: «Никакого идейного базиса под свое преступление расчетливые преступники не подводят: они знают, что оно нехорошо, и им не следовало бы его делать, но их соблазняет представляющаяся им связь этого преступления, как средства, с целью, которой они решили добиться» [8, с. 245].

Интервалы рецидива, т. е. отрезки времени между освобождением и новым преступлением, несмотря на «расчетливость» преступного поведения, сравнительно небольшие. Среди обследованных нами лиц, повторно осужденных, средний интервал был установлен в 3,5 года. Но у тех, кого мы отнесли к группе расчетливых эгоистов, средний интервал — 2,6 года. Сокращение интервалов следует объяснить не только более интенсивной преступной деятельностью, но и ее примитивными формами. Сочетание того и другого обуславливает скорое разоблачение преступлений и, следовательно, новую судимость.

Для преступлений, совершаемых рассудочными лицемерами, также характерна корыстная мотивация, но цели и средства их достижения разнообразнее. Если эгоисты (низший уровень активности) не утруждают себя размышлениями о моральности своих поступков, то лицемеры (средний уровень) склонны к резонерству. При этом нередко обнаруживается известная гибкость в самооправдании и нравственном обосновании своих поступков. Они менее зависят от конкретной жизненной ситуации, активнее приспосабливаются к внешней обстановке, используя ее для достижения поставленных целей. Поэтому рецидив у них более однороден и состоит обычно из хищений социалистического и личного имущества, различного рода хозяйственных и должностных преступлений. Психологической основой связи рецидивных правонарушений выступает, как правило, антиобщественная корыстная направленность лично-

сти. Преступления выполняют более квалифицированно и замаскированно. Из таких лиц нередко возникают организованные группы расхитителей, воров, спекулянтов.

Слабовольный подтип рецидивистов на низшем уровне психического развития мы называем апатичным. Это опустившиеся люди, обычно алкоголики, безразличные ко всему, кроме спиртных напитков. Поступки в определяющей мере детерминируются внешними условиями. Поведение крайне неустойчивое и трудно предвидимое. Легко поддаются влиянию других людей, но их конформность неустойчива. Нравственная неразвитость личности отчетливо выражена. Семейные, трудовые и иные социально-полезные связи постепенно ослабевают и утрачиваются. Большинство рецидивистов-бродяг и тунеядцев различного рода — люди апатичного склада характера. Под влиянием алкоголя и конкретной жизненной ситуации они могут решиться на самые различные посягательства: кражу, хулиганство, насилие. Психологическим основанием связи между рецидивными преступлениями выступают безволие и нравственная дебилность.

Слабовольный тип среднего психического уровня (неприспособленные) отличается от апатичных большей живостью характера и относительно развитым интеллектом. Главный порок такой личности заключается в неумении подчинить свое поведение какой-нибудь дальней социально-полезной цели, в отсутствии твердых моральных идеалов и слабости системы внутреннего контроля. Для их нравственных и правовых взглядов характерна раздвоенность. Моральными психоастениками называл С. В. Познышев таких преступников и указывал, что для них свойственны колебания и нерешительность перед умышленным преступлением и искреннее раскаяние после его совершения [см.: 8, с. 112]. Они нередко обвиняются в ненасильственных нарушениях общественного порядка и порядка управления, а также в имущественных посягательствах, совершаемых в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств. Значительно реже совершаются насильственные преступления, обусловленные, как правило, бытовой неустроенностью, семейными скандалами и пьянством. Преобладает общий рецидив, т. е. сочетание разнородных правонарушений. Субъективным основанием связи в рецидиве выступают слабоволие, неуравновешенность, антисоциальные поведенческие привычки.

Рецидивисты, которых мы относим к категории импульсивных, мало думают о последствиях своих поступков перед их совершением. Опрометчивые решения принимают по первому побуждению, которое не встречает достаточно развитого нравственного контроля. На низшем психическом уровне импульсивность определяет группу преступников, именуемых беспорядочными. Это крайне неуравновешенные люди, склонные к бурным реакциям на неблагоприятную обстановку. Они способны со-

вершить тяжкие посягательства на личность по ничтожному поводу. Влечения и желания их, почти всегда активизированные алкоголем, не находят достаточно действенных контрмотивов, вследствие чего «вновь возникшее желание немедленно переходит в соответствующее действие, не будучи задерживаемо ни мотивами противоположного характера, ни попытками обсудить предстоящий поступок и его последствия. Отсюда их решительность и склонность к энергичным действиям, соединенная, однако, со значительным легкомыслием, несерьезностью и беспорядочностью поступков» [5, с. 101]. В рецидиве повторяются чаще всего хулиганство, насильственные преступления против жизни, здоровья, чести и достоинства граждан, а также угоны транспортных средств. Имущественные посягательства совершаются на почве пьянства и в силу внешних влияний. В основании неоднократного преступного поведения находятся такие психологические качества личности, как особенность темперамента, различного рода врожденные и приобретенные психические патологии, не устраняющие вменяемость (психопатии, невроты и т. п.).

Аффективные рецидивисты относятся к среднему психическому уровню импульсивных. Они повторяют преступления под влиянием взволнованности, которая далеко не всегда заслуживает снисхождения. Поводами аффективного состояния выступают самые различные конфликтные ситуации, в том числе и такие, которые возникли по вине преступников. Среди лиц, повторно отбывающих наказание в местах лишения свободы, люди, готовые форсировать аффективное состояние, встречаются довольно часто. В основе такого поведения лежат свойства темперамента, патологические отклонения в протекании психических процессов, не исключающих вменяемость. В отличие от беспорядочных аффективных обладают более высоким уровнем нравственного и интеллектуального развития. В обычном состоянии они правильно оценивают обстановку и свое поведение, но совершая преступление, убеждают себя в том, что стали жертвами несправедливых и обидных действий со стороны потерпевших. Действуют в гневе, что не всегда присуще преступному поведению импульсивных рецидивистов низшего психического уровня. Отвечают, как правило, за насильственные посягательства. Рецидив почти всегда состоит из однородных правонарушений. Корыстные преступления совершаются как следствие прежней преступной деятельности под влиянием стечения неблагоприятных жизненных обстоятельств.

Эмоциональные преступники-рецидивисты низшего уровня (сосредоточенно жестокие) отличаются злобностью, примитивным мышлением и нравственной извращенностью. Вражда, месть, ревность и другие мотивы насильственных посягательств возникают и укрепляются не внезапно, как у импульсивных, а вынашиваются достаточно длительное время. Обвиняются

обычно в умышленных убийствах и телесных повреждениях, а также в хулиганстве, истязаниях, разбоях, изнасиловании, уничтожении имущества. Склонность к насилию вытекает из патологических отклонений высшей нервной деятельности и общей духовной неразвитости. Они не пытаются «идейно» обосновать свое поведение, их жестокость к потерпевшим кажется немотивированной. В преступной деятельности преобладает специальный рецидив насильственных посягательств.

На среднем уровне располагаются энергичные озлобленные. Для них характерны стойкая агрессивная направленность, осознанная враждебность к правопорядку, лицемерие. Они способны к длительной преступной деятельности, связанной с насилием. Отличаются крайним эгоцентризмом и повышенными жизненными притязаниями, которые не соответствуют их возможностям. Связующим психологическим основанием рецидива служат антиобщественная агрессивная направленность, повышенная эмоциональность. От рассмотренных выше импульсивных рецидивистов данная категория отличается тем, что действует она под влиянием какого-то сильного побуждения, надолго сохраняющего свое мотивирующее значение.

Предлагаемая классификация личности преступников-рецидивистов, выполненная на основе работ А. Ф. Лазурского, не может, конечно, рассматриваться как вполне законченная и единственно возможная. Вместе с тем представляется, что она имеет право на существование наряду с другими, так как учитывает не только свойства сознания, но и иные психические качества личности преступника. И хотя умышленная вина предполагает сознание общественной опасности противоправных поступков, само это сознание приобретает для субъекта различный личностный смысл в зависимости от его психического состояния. Не следует отождествлять сознание и психику человека. Второе понятие значительно шире; оно включает в себя и то, что относится к подсознанию. Нет оснований ограничивать сферу человеческих мотивов рамками сознания [см.: 1, с. 150]. Односторонний «рационалистический» взгляд на мотивацию поведения, вытекающий из широко распространенного отождествления психического и осознаваемого, подвергается в философской и психологической литературе обоснованной критике [см.: 10, с. 239—241; 1, с. 131—151]. Как верно заметил А. М. Яковлев, «для противоправного поведения более характерно нарушение правовых норм без отвержения их социального содержания по существу» [12, с. 239]. В этом отношении рецидивисты мало отличаются от других правонарушителей. Поэтому проблема их типологии не может быть решена без учета свойств темперамента, задатков, интеллектуальных, волевых и эмоциональных качеств личности, их социальной и социально-психологической направленности. Другими словами, юридическая классификация, построенная на характере и количестве совершен-

ных преступлений, должна дополняться психологической типологией рецидивистов. «Личность — понятие емкое и содержательное. Многие аспекты личности, особенно в психофизическом плане, в приведенных типологиях не учтены, а они имеют важное значение для практической организации борьбы с правонарушителями.. Небезразлично для практики учитывать также типы людей с психическими отклонениями от норм в пределах вменяемости» [4, с. 211].

Предлагаемая классификация в сочетании с другими создаст предпосылки для прогнозирования индивидуального поведения, ибо психологическая характеристика личности означает, в сущности, суждение о том, как будет вести себя человек в той или иной ситуации. Представляется, что типология личности осужденных имеет важное значение для индивидуализации педагогического процесса в исправительно-трудовом учреждении. Совершенно очевидно, что формы и методы индивидуальной воспитательной работы в значительной мере определяются тем, какие дефекты психики осужденного неоднократно приводят его в места лишения свободы. Исправление и перевоспитание рецидивистов рассудочного типа происходит несколько иначе, чем лиц, отличающихся слабоволием и внушаемостью. А воспитательная работа с осужденными, которые нарушили уголовный закон под влиянием психопатических свойств характера, имеет известные особенности и сочетается с лечением. В связи с этим уместно вспомнить, что исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г., который создавался при жизни В. И. Ленина, предусматривал образование специальных колоний для «психически неуравновешенных, туберкулезных и других больных заключенных», где исправительно-трудовое воздействие дополнялось мерами медицинского характера. Законодательство некоторых зарубежных социалистических стран также учитывает необходимость создания особых учреждений для содержания лиц, нуждающихся в медико-воспитательном воздействии. Так, ст. 38 уголовно-исполнительного кодекса Польской Народной Республики в перечне пенитенциарных учреждений называет «пенитенциарные учреждения для осужденных, требующих применения к ним особых медико-воспитательных мер».

Список литературы

1. Асеев В. Г. Проблемы мотивации и личность.— В кн.: Теоретические проблемы психологии личности. М., «Наука», 1974, с. 132—151.
2. Ковалев А. Г. Психологические основы исправления правонарушителя. М., «Юрид. лит.», 1968. 136 с.
3. Кудрявцев В. Н. Социально-психологические характеристики антиобщественного поведения.— В сб.: Методологические проблемы социальной психологии. М., «Наука», 1975, с. 255—268.
4. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., «Наука», 1976. 286 с.
5. Лазурский А. Ф. Классификация личностей. Изд. 2-е, М.—Пгд, 1923, 224 с.

6. Личность преступника. М., «Юрид. лит.», 1975. 270 с.
7. Небылицы В. Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М., «Наука», 1976. 336 с.
8. Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. Л., 1926. 248 с.
9. Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., Госюриздат, 1961. 286 с.
10. Титаренко П. И. Структура нравственного сознания (опыт этико-философского исследования). М., «Мысль», 1974. 278 с.
11. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение. Изд-во Томского ун-та, 1973. 152 с.
12. Яковлев А. М. Преступность и социальная психология (социально-психологические закономерности противоправного поведения). М., «Юрид. лит.», 1971. 248 с.

В. С. Зеленецкий, канд. юрид. наук

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Вопрос о законности и обоснованности привлечения граждан к уголовной ответственности является основным не только в теории советского уголовного процесса, но и в практической деятельности органов расследования, прокуратуры и суда. Его значение обуславливается тем, что акт привлечения к уголовной ответственности является одним из способов реализации уголовной ответственности лица, совершившего преступление.

Необходимо, однако, заметить, что до настоящего времени в теории нет единого мнения по вопросу о моменте привлечения лица к уголовной ответственности, этапах ее возникновения и реализации.

По мнению Н. С. Лейкиной, уголовная ответственность «возникает в момент совершения преступления и оканчивается с отбытием наказания и погашением судимости или когда лицо освобождается от нее на основании ст. 10, 50, 51, 52 УК РСФСР» [3, с. 31]. Анализ этой позиции автора приводит к выводу о ее противоречивости. В такой постановке вопроса остается непонятным, почему он связывает момент возникновения уголовной ответственности с предъявлением обвинения конкретному лицу. По мнению Н. С. Лейкиной, «привлечение к уголовной ответственности — это первоначальный этап реализации уголовной ответственности. Он оформляется процессуальным актом предъявления обвинения» [3, с. 32]. Автор полагает далее, что «сущность первой стадии состоит в признании следственными органами лица ответственным за совершение определенного преступления, в качестве обвиняемого по определенной статье Особенной части Уголовного кодекса» [3, с. 32]. При таком подходе к определению исходных и конечных границ уголовной ответственности период с момента совершения